

Научная статья

УДК 81'42

DOI: 10.18384/2949-5075-2026-2-1-32-49

К ВОПРОСУ О СОЦИОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ И ПРАГМАТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ТЕКСТОВ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: ГЕРМЕНЕВТИКО-КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД

Лебедева А. А.^{1*} , Новикова М. Г.²

¹ *Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), г. Москва, Российская Федерация*

² *Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация*

* *Корреспондирующий автор, e-mail: lebsuch@yandex.ru*

Поступила в редакцию 20.11.2025

После доработки 28.11.2025

Принята к публикации 03.12.2025

Аннотация

Цель: выявление, описание и систематизация трудностей социокультурологической адаптации текстов юридического дискурса при переводе с одного языка на другой, анализ влияния контекста на адекватность переводческих решений и поиск причин появления переводческих ошибок.

Процедура и методы. При работе со специально отобранными аутентичными англо- и русскоязычными текстами в рамках юридического, научного и медиадискурсов применялись контекстуальный, сопоставительный, корпусный, лингвокультурологический и описательный методы анализа эмпирического материала.

Результаты. По итогам исследования даны чёткие обоснования необходимости проведения многоаспектного анализа национальных культурологических особенностей носителей языка-донора и языка-реципиента с целью избежать возможных переводческих ошибок.

Теоретическая и практическая значимость. Для снятия проблемы множественного толкования терминов реципиентами, в том числе правовых норм в юридическом дискурсе, оптимальным решением будет герменевтико-коммуникативный подход. В исследовании авторы развивают теорию культурного компонента значения, выявляемого при лексико-семантическом анализе терминологических единиц гуманитарных областей знания, и рассматривают социокультурологические и прагматические аспекты межкультурного перевода. В статье также приводятся примеры переводческих манипуляций при работе с английской юридической терминологией.

Ключевые слова: параллельный перевод, юридическая терминология, лингво-культурологический аспект, оптимальное переводческое решение, переводческие манипуляции

Для цитирования:

Лебедева А. А., Новикова М. Г. К вопросу о социокультурологической и прагматической адаптации при переводе текстов юридического дискурса: герменевтико-коммуникативный подход // Вопросы современной лингвистики. 2026. № 2. Т. 1. С. 32–49. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2026-2-1-32-49>

Original research article

ON THE PROBLEM OF SOCIOCULTURAL AND PRAGMATIC ADAPTATION IN LEGAL TEXTS TRANSLATION: HERMENEUTIC-COMMUNICATION APPROACH

A. Lebedeva^{1*} , M. Novikova²

¹ All-Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation

² Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author, e-mail: lebsuch@yandex.ru

Received by the editorial office 20.11.2025

Revised by the author 28.11.2025

Accepted for publication 03.12.2025

Abstract

Aim. The aim is to identify, describe and systematize difficulties of sociocultural adaptation in legal texts translation practices and analyze the influence of the context on the adequacy of the translation as well as the reasons of translation errors.

Methodology. The methods of contextual, comparative, corpus, linguocultural as well as descriptive analysis were applied during the research based on selected authentic English and Russian texts in mass media, legal and scientific discourse.

Results. The work shows the need for carrying out a multidimensional analysis of national cultural peculiarities of the original text and target language speakers in order to avoid probable translation mistakes.

Research implications. To solve the problem of multiple terminology interpretations by recipients, including legal norms in Legalese, the hermeneutic-communication approach may be an adequate choice. In the article the author develops the theory of the cultural component of meaning detected in the process of the lexical-semantic analysis of terminological units in the humanitarian fields of knowledge, and focuses on the sociocultural and pragmatic aspects of legal terminology interlingual translation. The paper also lists examples of translation manipulations applied in order to ensure correct interlingual semantic transference of some confusing English legal terms into Russian.

Keywords: parallel translation, legal terminology, linguo-cultural aspect, optimal translation solution, translation manipulations

For citation:

Lebedeva, A. A. & Novikova, M. T. (2026). On the problem of sociocultural and pragmatic adaptation in legal texts translation: hermeneutic-communication approach. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2 (1), pp. 32–49. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2026-2-1-32-49>

Введение

Язык, как инструмент взаимодействия в современном мире с его стремительными изменениями в экономической, политической и социальной сферах, вынужденно адаптируется к новым условиям, параллельно трансформируясь и обогащаясь в рамках концептуализации новых идей и формирования иных моделей вос-

приятия окружающей действительности. Антропоцентрический подход современной науки и интегративные процессы в гуманитарных областях знаний выдвигают на первый план междисциплинарные исследования, в том числе комбинирование разных аспектов языковедческой науки: лингвистического, лингвопрагматического и лингвосемиотического. В наши

дни на коммуникационные процессы оказывают большое влияние цифровые и информационно-коммуникативные технологии, ставшие неотъемлемой частью жизни социума за последние десятилетия. Соответственно мультимодальные формы коммуникации, под которыми обычно подразумевают многослойный контент, включающий в себя взаимодействующие между собой текстовые, аудиальные, визуальные, аудиовизуальные сообщения, превратились в важный инструмент профессионального и межличностного общения и активно изучаются лингвистами (например, экономический дискурс в сфере международных экономических форумов [1], организационный дискурс [2], новостной дискурс [3], общественно-политический дискурс [4] и др.)¹. Отсутствие полностью устоявшихся корреляций национальных терминологий в новых научно-технических терминосистемах в языке-доноре и в языке-реципиенте, что создаёт дополнительные трудности при переводе, привело к появлению в последние годы боль-

шого количества исследований и в этом направлении (например, в языковой паре английский – русский: в области беспилотных летательных аппаратов [5], электроэнергетики [6], кардиохирургии [7] и в других сферах человеческой деятельности). Необходимо при этом отметить неослабевающий интерес к изучению категорий и характерных черт различных дискурсов (обычно выделяют такие типы дискурса, как бытийный, юмористический, ценностно маркированный, интернет-дискурс, а также разнообразные виды институционального дискурса (в частности, искусствоведческий, педагогический, бизнес-дискурс, политический, дипломатический, юридический, рекламный, религиозный, массово-информационный, туристический, научный и др.)).

Если рассматривать дискурс, как многогранное понятие, включающее в себя не только вербальный текст или речь, но и культурный, социальный и контекстуальный аспекты коммуникации (с учётом наличия в переводоведении разных подходов к определению дискурса), то можно сказать, что юридический дискурс, к примеру, представляет собой лингвокультурный интердискурсивный феномен картины мира, функционирующий на стыке политического, медийного, научного и бизнес-дискурсов. При этом перевод юридических текстов, как известно, связан со сравнительным правоведением, изучающим и сопоставляющим правовые системы разных стран, правовые нормы и принципы правосудия, нередко одноимённые государственные и правовые институты (см. примеры в: [8–13] и др.). Поиск переводческого решения также всегда связан с обеспечением корректного восприятия и понимания семантической конфигурации лексической единицы иноязычной аудиторией (см. анализ концепций переводческих стратегий и переводческих манипуляций в разных видах дискурса в: [9; 10; 14–20] и др.).

¹ См. о моделировании дискурса в работах: Моделирование дискурса: социокультурный аспект: монография / под общ. ред. Е. В. Вохрышевой. Самара: СФ ГАОУ ВО МПГУ, 2016. 148 с.; Соколова О. В. Типология дискурсов активного воздействия: поэтический авангард, реклама и PR: монография. М.: Гнозис, 2014. 304 с. и др. Исследование базируется на теоретических положениях в области теории дискурса следующих авторов: В. И. Карасик (Карасик В. И. Дискурсология как направление коммуникативной лингвистики // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. № 1 (21). С. 17–34; Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 389 с.), Е. С. Кубрякова (Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (обзор) // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 5–13), С. Н. Плотникова (Плотникова С. Н. Дискурсивное конструирование как теоретическое понятие // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 5 (90). С. 41–46), Т. А. ван Дейк (Dijk T. A. van. Macrostructures: an interdisciplinary study of global structures in discourse, interaction, and cognition. Hillsdale, N. Y.: Lawrence Erlbaum, 1980. 200 p.) и др.

**Переводческие манипуляции при
работе с юридическими текстами:
дискурсивно-коммуникативный
подход. Основные стратегии и тактики**

Основной задачей переводчика всегда считался подбор таких лексико-грамматических и стилистически окрашенных иноязычных эквивалентов в языке-реципиенте, чтобы они смогли обеспечить адекватное восприятие текстового фрагмента целевой аудиторией. В переводческой практике, как известно, для более качественного перевода текстов широко применяются такие приёмы, как транслитерация, транскрибирование, калькирование, описательный перевод, переводческий комментарий, лексико-семантическая замена.

**Выбор адекватного
переводческого решения
в зависимости от типа дискурса**

В условиях функционирования больших пластов омонимов и многозначных слов часто наблюдаются значительные расхождения лексико-семантических конфигураций языковых единиц как в рамках разных дискурсов, так и в рамках одного дискурса, а выбор переводческого решения зависит от контекстного окружения¹. Русскоязычным эквивалентом

английского существительного “inquisition”, например, в массово-информационном или разговорно-бытовом дискурсах может быть слово «инквизиция» (в историческом контексте оно ассоциируется у носителей русского языка со средневековыми церковными судами по делам еретиков или в переносном смысле – с пытками и мучениями), а в качестве юридического термина будут корректными варианты «судебное расследование, следствие, дознание» (соответственно русскоязычной версией выражения “coroner’s inquisition” будет «следствие, проводимое

ны микроконтексты, т. е. минимальные фрагменты текста, с культурно специфическими терминами, требующими лингвокультурной адаптации при переводе. Герменевтико-коммуникативный анализ языковых единиц при выборе переводческих решений в рассматриваемых текстовых фрагментах проводился с опорой на законодательство англоязычных стран и Российской Федерации в рамках подготовки авторами учебников и учебных пособий в течение последних 20 лет, а также в ходе проведения занятий с аспирантами во ВГУЮ (РПА Минюста России), имеющими юридическое образование и опыт работы в разных сферах законотворческой и правоохранительной деятельности. Многие из рассмотренных авторами микроконтекстов можно найти в том числе в следующих изданиях: Юридический английский: учеб. пособие / А. А. Лебедева, Г. Н. Аксенова, Е. В. Бараник [и др.]; под ред. А. А. Лебедевой; 2-е изд., расш. и доп. М.: Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 2021. 198 с. ISBN 978-5-00094-588-9; Лебедева А. А. Английский язык для юристов. Предпринимательское право. Перевод контрактов : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2022. 231 с. ISBN 978-5-238-01928-4; Английский для юристов: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / А. А. Лебедева, Г. Н. Аксенова, Е. В. Бараник [и др.]; под ред. А. А. Лебедевой. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2022. 375 с. ISBN 978-5-238-02636-7.

2. На втором этапе исследования на основании анализа предложенных другими лингвистами переводческих методологических стандартов и на базе систематизации трудностей при переводе выявленных языковых единиц с полным или частичным расхождением лексико-семантических конфигураций в языковой паре английский – русский в текстах юридической направленности была сформулирована герменевтико-коммуникативная парадигма – в качестве аналитического инструмента для предотвращения контекстных терминологических ошибок.

¹ Здесь и далее контекстуальный, сопоставительный, лингвокультурологический анализ лексико-семантической конфигурации юридической терминологии в языковой паре английский – русский проводился на базе более 500 аутентичных текстов юридического, научного и медиадискурсов, отображенных в 2007–2025 гг. в ходе подготовки к печати учебников и учебных пособий для работы со студентами и аспирантами во Всероссийском государственном университете юстиции (РПА Минюста России) и в Военном университете имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации. Материалом исследования послужили фрагменты англоязычных и русскоязычных аутентичных текстов юридической направленности в разных сферах права (общий объём рассмотренных текстов – 32,9 а. л., из них 24,5 а. л. на английском языке и 8,4 а. л. на русском языке). Исследование проводилось в два этапа.

1. На первом этапе исследования методом сплошной выборки в оригинальных текстах были отобра-

коронером»). В юридическом дискурсе англоязычный термин “inquisition” приобретает также значение «коронерского заключения о расследовании» (“a document containing the verdict of a coroner’s inquest”¹). Если речь идёт о профессиональном наёмном убийце, то в англоязычном юридическом дискурсе принято употреблять термины “contract killer”, “hit man” или “assassin”, а не упрощённый вариант “killer”. В некоторых случаях наблюдается вариативность значений одного и того же термина в рамках одного дискурса. К примеру, существительное “interest”, переводимое в разговорно-бытовом и массово-информационном дискурсах как «интерес, заинтересованность, увлечение, доля, участие», в сфере финансового права может быть переведено как «проценты (на капитал)» (“interest-free loan” – «беспроцентная ссуда», “accrued interest” – «начисленные проценты»), а в правовом контексте, связанном с земельным или вещным правом, увидим иные переводческие решения² (ср.: “interest in a business” – «участие в предприятии», “interest in profits” – «доля в прибыли», “interest in fee-simple” – «безусловное (неограниченное) право собственности», “interest in estate” – «доля в имуществе / доля в вещно-правовом титуле», “interest in personality” – «вещное право на движимое имущество» и т. п.). Слово сочетание “diminished responsibility” в некоторых правовых контекстах в интернете переводят как «ограниченная ответственность»³

(в связи с умственной неполноценностью правонарушителя): “insanity, diminished responsibility in terms of common law...” – «умопомешательство, ограниченная ответственность с точки зрения общего права» (текст о Зимбабве (Zimbabwe)). Но в случае необходимости подобрать правовой термин, коррелирующий с законодательством РФ, российским аналогом рассматриваемого словосочетания (“a form of mental abnormality”⁴) можно считать концепцию «ограниченной вменяемости» (регламентируемой статьей 22 УК РФ, согласно которой к уголовной ответственности привлекаются лица с психическими расстройствами, вменяемость которых, тем не менее, не исключается).

Существование правовых языковых универсалий

В рамках переводческого процесса необходимо учитывать существование правовых языковых универсалий, т. е. идентичных для языка-донора и языка-реципиента понятий и концептуальных систем, не требующих дополнительного исследования их межъязыкового и межсистемного сопоставления и толкования при подборе адекватного иноязычного эквивалента. К примеру, слова *punishment*, *arson*, *defendant*, словосочетание “the burden of proof” можно переводить на русский язык дословно. В различных международных договорах, например, в Гаагской конвенции от 02.07.2019 г. “Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Judgments in Civil or Commercial Matters” («Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским или торговым делам»), в Гаагской конвенции от 15.04.1958 г. “Convention Concerning the Recognition and Enforcement of Decisions relating to Maintenance Obligations towards Children” («Конвенция о признании и исполнении решений, связанных с обязательствами по содержанию детей»),

¹ См.: A Dictionary of Law / eds. J. Law, E. A. Martin; 7th edition. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 286 (далее – A Dictionary of Law). Уточним в данном контексте, что под термином “coroner’s inquest” обычно подразумевается расследование случаев смерти коронером.

² “In land law, a right in or over land” (см.: A Dictionary of Law. P. 289).

³ Такое переводческое решение можно считать контекстной терминологической ошибкой интернет-переводчика. Системная неспособность машинных переводчиков даже самых продвинутых систем (на данном этапе их развития) справляться с контекстным переводом без ошибок неоднократно обсуждалась в лингвистической литературе.

⁴ См.: A Dictionary of Law. P. 169.

в Конвенции ООН 1958 г. “Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards” («О признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений»), термины “recognition and enforcement” во всех правовых системах имеют одинаковую семантическую конфигурацию. Необходимость одинаковой трактовки странами-участниками международных соглашений для обеспечения соблюдения положений подписанных ими документов требует от переводчиков юридических текстов исследования терминов как в ретроспективном ракурсе их происхождения, так и в контексте национальной специфики правовых систем.

При этом возможность дословного перевода не всегда подразумевает тождественность правовых реалий и процессуальных норм. К примеру, будет вполне уместен адекватный (почти буквальный) перевод на русский язык стилистически маркированного текстового фрагмента присяги свидетелей в судебных процессах Англии и США¹ “I swear to tell the truth, the whole truth, and nothing but the truth”, которую произносят, положив руку на Библию, Евангелие или Коран («Клянусь говорить правду, только правду и ничего, кроме правды»; при этом в русском эквиваленте обычно сохраняется наблюдаемый в английской версии ритмо-устанавливающий фактор повтора). Расхождений в концептуальном восприятии данной языковой единицы у представителей стран с разными правовыми системами не будет, хотя в РФ вместо подобной клятвы перед дачей показаний свидетеля предупреждают об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний и берут с него подписку².

¹ Указанная присяга свидетелей в США упомянута в 1787 г. в цикле статей “On the necessity of fostering American identity” лексикографом Ноа Вебстером (Noah Webster), опубликовавшим в 1828 г. первый толковый словарь американского языка.

² Уточним, что в зарубежных судах присяга даётся всеми участниками процесса (истцом, ответчиком, свидетелями). В иностранных государствах существует

Необходимость обеспечения понимания семантической конфигурации лексической единицы целевой аудитории

Поскольку поиск иноязычного эквивалента связан с необходимостью обеспечения понимания лексической единицы целевой аудиторией, в некоторых случаях переводческие решения обусловлены традиционными общепринятыми вариантами выбора лексического эквивалента на другом языке с учётом политической составляющей. К примеру, одну и ту же группу островов, за которые идёт многовековой спор между Великобританией и Аргентиной, англичане называют Фолклендскими островами (“Falkland Islands”), а аргентинцы – Мальвинскими (“Islas Malvinas”)³. Остров Окинава, изначально населённый не китайцами и не японцами и где в XV–XIX вв. существовало самостоятельное королевство, китайцы называли Люцю, а японцы – Рюкю, хотя иероглифы одни и те же⁴: 琉球.

также такое понятие, как аффидавит. Это письменные показания под присягой у уполномоченного лица, например, у нотариуса. Таким образом, чтобы дать показания в суде, необходимо или в самом суде принести присягу во время судебного процесса, или сделать это у нотариуса, уполномоченного государством, и дать соответствующие письменные показания, которые нотариус заверит. После этого такие свидетельские показания становятся доказательством для суда и сведениями, за которые лицо уже несёт ответственность. В РФ только свидетель подписывает бумагу о том, что он предупрежден об ответственности за дачу заведомо ложных показаний (другие участники процесса ничего подобного не подписывают). Данная практика была введена ещё в Советском Союзе, когда вопросы веры во всех официальных структурах были под запретом. В царской России было что-то похожее на англо-саксонскую версию присяги, но тогда и форма судопроизводства немного отличалась от современного формата.

³ В 1982 году аргентинские силы захватили острова, начав Фолклендскую войну, которая закончилась возвращением островов в состав Великобритании.

⁴ «Государство платило дань Китайской империи Мин, а с 1609 г. также стало сюзереном японского самурайского клана Сацума. В 1879 г. аннексировано Японской империей и преобразовано в префектуру Окинава» (Авдонин А., Тавровский Ю. Окинава может стать горячей точкой // Мир новостей. 2023. № 34 (1547). С. 8-9).

В 2012–2013 гг. мир стал свидетелем эскалации напряжённости из-за спора о принадлежности необитаемых островов, известных как Сенкаку в Японии (the Senkaku Islands dispute), Дяюйдао в Китае (the Diaoyu Islands dispute) и Тиаоютай (the Tiaooyutai Islands) в Тайване.

В эфире телеканала «Россия 24» 10 февраля 2023 г. в беседе с ведущим передачи «Международное обозрение» Андрей Иванович Денисов (посол РФ в КНР в 2013–2022 гг.) упомянул любопытный случай на переговорах между Россией и Китаем, когда российская сторона настаивала на подписании по результатам переговоров документа под названием «Декларация», а китайская сторона – итогового коммюнике под названием «Заявление». Для русскоязычных граждан данные термины имеют разную коннотацию: декларация предполагает более значимый документ. В конце концов, переводчики договорились об использовании в китайском варианте текста слова 声明 [shēngmíng], которое может быть переведено на русский язык и как «заявление», и как «декларация». Это решение устроило представителей обеих стран.

Возможность перевода выражения “conflict of laws” не только как «коллизии правовых норм» / «коллизионное право», но и как «международное частное право» (с помощью концептуального переноса значения на другую языковую единицу при переводе на основе корреляции лексико-семантических конфигураций терминов) объясняется тем, что нормы частного международного права представляют собой нормы коллизионного права, определяющие, законы какой страны должны регулировать частные правоотношения¹.

¹ При этом в названиях конвенций находим преимущественно такие переводческие решения: Гагская конвенция от 12.06.1902 г. “Convention Governing Conflicts of Laws Concerning Marriage” – «Конвенция об урегулировании коллизий правовых норм, касающихся заключения брака»; Женевская конвенция, принятая Лигой Наций 07.06.1930 г. “Convention for the Settlement of Certain Conflicts of Laws

При подборе иноязычных эквивалентов названий книг, фильмов, радио- и телепередач часто используют не буквальный перевод словосочетания или фразы, а аналог, привлекательный для целевой аудитории с маркетинговой точки зрения. К примеру, фильм британского режиссёра Алекса Гарленда (Alex Garland) “Civil War” в российском прокате в 2024 г. шёл под названием «Падение империи» (а не «Гражданская война»), а фильм “Warfare” этого же режиссёра демонстрировался в 2025 г. под названием «Под огнём» (а не «Военные действия») и т. п.

Лингвокультурные адаптации

Выбор переводческого решения нередко зависит от культурологической составляющей контекстного окружения или от исторически сформировавшихся способов передачи конкретного выражения в языковой паре. При переводе англоязычных текстов на русский язык термин “suspended sentence”, например, нужно переводить в зависимости от контекста: либо как «условный(ое) приговор / срок / наказание», либо как «от-

in Connection with Bills of Exchange and Promissory Notes” – «Конвенция о разрешении некоторых коллизий законов о переводных и простых векселях»; Женевская конвенция от 19.03.1931 г. “Convention for the Settlement of Certain Conflicts of Laws in Connection with Cheques” – «Конвенция о разрешении некоторых коллизий законов, связанных с чеками»; Гагская конвенция от 17.07.1905 г. “Convention Relating to Conflicts of Laws with Regard to the Effects of Marriage on the Rights and Duties of the Spouses in their Personal Relationship and with Regard to their Estates” – «Конвенция о коллизионных нормах, касающихся влияния брака на права и обязанности супругов в их личных отношениях и в отношении их имущества» / «Конвенция о коллизиях законов относительно личных и имущественных отношений супругов»; “Convention on the Conflicts of Laws Relating to the Form of Testamentary Dispositions” – «Конвенция о коллизионных нормах, касающихся формы завещательных распоряжений» / «Конвенция о конфликтах законов, касающихся формы завещательных распоряжений» от 05.10.1961 г.); ср. “Statute of the Hague Conference on Private International Law” – «Устав Гагской конференции по международному частному праву» (принятый 31.10.1951 г.).

срока отбывания наказания» (см. об этом подробно в: [9, с. 57–58]). При переводе выражения “Charter of the United Nations” русскоязычным эквивалентом слова “charter” будет «устав», при этом «устав университета» можно перевести на английский язык как “statute of the university”, а «устав фирмы» как “the firm’s bylaws” / “the company’s articles of incorporation” / “the company’s articles of association” / “the company deed” (при этом некоторые англоязычные авторы считают, что термин “bylaws” подходит для обозначения документов с более детальным описанием деятельности компании по сравнению с другими вышеуказанными названиями, а термины “articles” и “charter” являются взаимозаменяемыми в разных юрисдикциях¹). При этом часто можно встретить текстовые фрагменты типа “Memorandum and articles of association” с переводом «Устав и Учредительный договор» (иностранной компании), поскольку под терминами “Articles of Association” или “Articles of Incorporation” (в некоторых юрисдикциях “certificate of incorporation” или “the corporate charter”, в США для “limited liability companies” (LLC) / «обществ с ограниченной ответственностью» (ООО) – “articles of organization”) обычно подразумевается свод правил и положений, регулирующих внутрихозяйственную деятельность компании². В от-

ношении же представительств уместным русскоязычным эквивалентом термина “charter” (обычно используемым в англоязычной версии) слово «устав» не будет, поскольку представительства в РФ действуют на основании не устава, а положения о представительстве, утверждаемого головной фирмой (согласно ст. 55 ГК РФ представительства и филиалы юридическими лицами не являются, наделяются имуществом создавшим их юридическим лицом и действуют на основании утверждённых им положений).

Поиск корректного перевода на русский язык англоязычных названий различных учреждений исправительной системы также отягчается расхождениями в структуре рассматриваемых институтов. К примеру, при переводе англоязычной художественной литературы вполне приемлемым переводческим решением названия “open type institution” (букв. «исправительное учреждение открытого типа») будет «колония-поселение», так как именно такое исправительное учреждение в РФ можно считать аналогом облегчённого (minimal security³) режима содержания англо-саксонской (США, Великобритания) пенитенциарной системы (без вооружённой охраны и не обнесённое стенами, где осуждённым может быть предоставлена возможность трудиться за пределами учреждения на строительстве дорог, выполнении сельскохозяйственных и иных общественно полезных работ). В англоязычных текстах находим и другие термины такого плана: российским аналогом “maximum-custody

¹ Англоязычные источники дают различные определения рассматриваемых терминов, например: “The bylaws detail how your company operates and are often far more complex. Some states may designate a different name for the articles, such as calling them a charter. Articles are the charter that creates a corporation, whereas bylaws set out the rules and procedures for internal governance of the corporation.”

² В англоязычных источниках находим следующие определения рассматриваемых терминов: “In corporate governance a company’s articles of association (AoA, called “articles of incorporation” in some jurisdictions) is a document that, along with the memorandum of association (in cases where it exists) forms the company’s constitution. Articles of association may regulate both internal and external affairs. The AoA defines the kind of business to be undertaken, the responsibilities of the directors, and the means by which the shareholders exert control over the board of direc-

tors. “Articles of incorporation”, also referred to as the “corporate charter” or “the certificate of incorporation”, is a document or charter that establishes the existence of a corporation in the United States and Canada. They generally are filed with the Secretary of State in the U.S. State where the company is incorporated, or other company registrar. An equivalent term for limited liability companies (LLCs) in the United States is articles of organization.”

³ Как известно, англо-саксонская (США, Великобритания) пенитенциарная система предусматривает несколько режимов содержания, начиная с облегчённого (minimal security).

type institution” можно считать «исправительную колонию особого режима» (согласно ст. 130 УК РФ в пенитенциарной системе РФ предусмотрены исправительные колонии общего, строгого и особого режимов), под словосочетанием “institutional household” обычно подразумевается «учреждение (хозяйство) закрытого типа», в частности, тюрьма, дом для умалишённых или благотворительный дом, а выражение “jail-type institution” можно перевести, либо как «исправительная колония», либо как «СИЗО» – в зависимости от контекстного окружения.

В англо-русских словарях существительные “prison” и “jail” обычно указывают в качестве синонимов со значениями «тюрьма, темница, узилище, тюремное заключение, место лишения свободы» (для “jail” – также «изолятор»), однако при более внимательном изучении исправительной системы США находим некоторые различия между обозначаемыми данными терминами объектами. Слово “prison”, как правило, используется по отношению к тюрьмам, находящимся в ведении штатов, или к тюрьмам федерального значения для осуждённых на срок более одного года лишения свободы¹, и соответственно при переводе на русский язык данного термина можно применить версию «исправительная колония». Слово “jail”, как правило, употребляют в США в отношении городских тюрем для приговорённых к коротким срокам заключения (приблизительно 1 год) за мелкие правонарушения или преступления средней тяжести (→ вариант перевода «исправительная колония»). Аналогом “jail” в РФ можно также считать СИЗО / следственный изолятор, поскольку именно так обычно называют учреждения временного содержания подозреваемых

до суда. Соответственно после вынесения приговора осуждённого по суду человека должны отправить в “prison”, однако из-за неторопливости американской судебной системы нередко подозреваемые проводят в “jail” долгие месяцы. В рамках контекстного перевода нужно также принимать во внимание и случаи, когда приговорённых к небольшому тюремному сроку оставляют отбывать оставшееся время тюремного заключения в “jail”² (= в следственном изоляторе), чтобы не тратить людские и финансовые ресурсы на обеспечение переезда заключённого в “prison”. Под термином “detention” может подразумеваться как кратковременное задержание подозреваемого для опроса или проверки документов³, так и более длительное – до предъявления обвинений с препровождением в оборудованную в полицейском участке специальную камеру “detention cell”, российским аналогом которой при подборе переводческого решения можно считать «камеру предварительного заключения» (КПЗ / «обезьянник»). В случае отсутствия подобной камеры в полицейском участке, задержанного либо отпускают (часто с условием явиться в суд в назначенную дату или с иным требованием или предупреждением), либо отправляют в “jail”⁴ до суда (см. другие подобные примеры в [9; 10]).

Сложности при переводе могут вызвать и так называемые «ложные друзья

¹ При этом из-за децентрализованной структуры пенитенциарной системы США «федеральная тюрьма» может подчиняться как правительству США, так и правительству штата, а также быть частной и принимать спецконтингент по контракту с правительством.

² Уточним при этом, что “jails”, в качестве американского аналога российского следственного изолятора, как правило, подчиняются местным органам власти США, например, городскому совету (“city jail”) или региональному правительству (“county jail”), и не являются частными. При этом в американской системе правосудия нет практики зачёта времени нахождения в следственном изоляторе «год за два».

³ Уточним, что согласно Конституции США, гарантирующей право на анонимность, задержать человека «до выяснения личности», как в других странах, считается незаконным.

⁴ При этом нужно учитывать, что в США разные режимы содержания нередко функционируют в соседних корпусах одного пенитенциарного учреждения.

переводчика» – термины, схожие по звучанию в обоих языках, но имеющие частично или полностью несовпадающие значения в рассматриваемой языковой паре. К примеру, в русском языке «реабилитация» подразумевает «официальное восстановление в правах, восстановление хорошей репутации» несправедливо осуждённых, а в английском уголовном праве “rehabilitation” означает «перевоспитание преступника»: “treatment aimed at improving an offender’s character or behavior that is undertaken with the goal of reintegrating the offender into society”¹. Англоязычным эквивалентом «реабилитации» в значении официального восстановления в правах будет термин “exoneration”.

Переводческие решения при работе с лакунарной терминологией часто требуют описательного перевода или переводческого комментария. Описательный перевод вполне уместен, например, для расшифровки значения англоязычного термина “lawfare”: «так называемое законное убийство, иногда именуемое в США *lawfare*. Этот термин означает использование правовых систем и институтов для нанесения ущерба или делегитимизации оппонента. Это попытка незаконно, но под видом закона обанкротить, разорить, опорочить и даже посадить в тюрьму опасного политического соперника. В крайних случаях он может даже столкнуться с пожизненным заключением, что, по сути, является законным эквивалентом смертной казни»².

О необходимости герменевтического анализа при переводе устойчивых двухкомпонентных конструкций языковых единиц

Проведение герменевтического анализа для достижения корректного контекстного перевода может быть необходимо и при работе с так называемыми

«фиксированными биномиалами» (“irreversible binomials” / “binomial expressions” / “binomial pair” / “binomial freeze”) / «двухвершинными фразеологическими повторами» (в терминологии А. И. Смирницкого)³, объединёнными на основе контраста, синонимии, взаимодополняемости значений, нередко повтора ка-

³ «В качестве особого структурного типа к двухвершинным фразеологическим единицам относятся так называемые фразеологические повторы различного рода. Одни из них построены на основе антонимичности, контраста – например, *now or never* – “теперь или никогда”, *up and down* – “вверх и вниз”; у других же основным моментом является аллитерация – например, *with might and main* – “изо всей силы”, *betwixt and between* – “ни то ни сё” (Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. С. 222–223 (Серия «Библиотека филолога»)).

По описанию С. Г. Терминасовой, «двухкомпонентные конструкции языковых единиц могли не соответствовать ни логике, ни лексическим нормам сочетаемости, а относились к таким фигурам речи, как оксюморон (соединение взаимоисключающих понятий), плеоназм (избыточности средств выражения), паронимия (игра созвучными словами), и воспринимались как украшения и отличительный признак просвещённой речи» (см.: Терминасова С. Г. Словосочетание в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах: учебное пособие; изд. 3-е. М.: Издательство ЛКИ, 2007. С. 107). В качестве примеров подобных устойчивых двухкомпонентных конструкций можно указать: “ups and downs” (= «взлёты и падения» / «победы и поражения»), “safe and sound” (= «целый и невредимый» / «в целостности и сохранности»), “black-and-white thinking” (= «однобокий подход / взгляд»), “odds and ends”, “bits and pieces” (= «пустяковые мелочи» / «всякий хлам») и т. п.

См. об «устойчивых двухкомпонентных конструкциях языковых единиц» в работах: Молодцова И. Н. Английские биномиалы: статус, сущность, функции: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2002. 22 с.; Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка (1957); под редакцией В. В. Пасека; изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 296 с.; Терминасова С. Г. Словосочетание в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах: учебное пособие; изд. 3-е. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 152 с.; Bhatia V. K. Analysing genre: Language use in professional settings. London: Longman, 1993. 246 p.; Ferguson C. A. The study of religious discourse. In: Language and Linguistics: The Interdependence of Theory, Data, and Application. Washington, DC: Georgetown University Press, 1985. P. 205–213; Gustafsson M. The syntactic features of binomial expression in legal English // Text. 1984. Vol. 4 (1–3). P. 123–141; Malkiev Ya. Studies in irreversible binomials // Lingua. 1959. Vol. 8. P. 113–160.

¹ См.: A Dictionary of Law. P. 464.

² См.: Крестьянинов В. Дональда Трампа пытаются убить тремя способами // Аргументы недели. 2024. № 38 (935). С. 2.

ких-либо языковых единиц (в том числе аллитерации – т. е. повтора фонем), служащего для усиления эмоционального воздействия на слушателя. Для целей данной работы нам кажется более удобным понятие «устойчивые двухкомпонентные конструкции языковых единиц» (слов или сочетаний слов), под которыми мы понимаем устойчивые двухкомпонентные сочетания слов, состоящие из системно-обусловленных, логически взаимосвязанных когнитивно-лингвистических и когнитивно-культурологических концептов, объединённых союзами ‘and’ или ‘or’ и обычно имеющих идентичную синтаксическую конфигурацию. Дословный перевод подобных конструкций, образующих ритмически и семантически устойчивые единства, во многих случаях неприемлем. В юридическом дискурсе двухкомпонентный состав рассматриваемых устойчивых сочетаний часто предполагает дополнительный герменевтический анализ компонентов.

В выражениях “ships or vessels”, “hearing or trial”, например, на первый взгляд прослеживается синонимическая избыточность, однако, если при поиске адекватного иноязычного эквивалента заострить внимание на выявлении оттенков значения компонентов, то можно наблюдать существенное, но не абсолютное, совпадение их лексико-семантических конфигураций. В идиоме “ships or vessels” (= «суда» / «корабли») оба существительные могут быть переведены как «корабль, судно», однако, в английском варианте вступившей в силу Сводной конвенции «О труде в морском судоходстве» применительно к судам «валовой вместимостью 500 или более» на 112 страницах используется термин “ship”, хотя многие моряки, работающие под иностранным флагом, указывают на неоднократное употребление в речи синонима “vessel”¹. Слово “vessel” англоязычные источники

определяют, как «родовое понятие, обозначающее самоходное плавучее средство», “ship” же трактуется, как форма транспортировки – «грузовой, научный, пассажирский вид речного или морского транспорта»². Соответственно, при выборе русскоязычного эквивалента можно ограничиться общим значением или указать на конкретный тип водного транспорта: “ships or vessels are usually built at the specialized enterprises, shipyards” – «постройка кораблей обычно производится на специализированных предприятиях – верфях»; “discharge of waste at sea from ships or other vessels is prohibited” – «никому не разрешается сбрасывать в море отходы с судов или других плавсредств»). Выражение “hearing or trial” может быть переведено на русский язык в каком-то контексте как «судебное слушание или процесс» / «судебное слушание или заседание», а где-то как «гражданское или уголовное судопроизводство» / «гражданский или уголовный процесс». В англоязычных источниках “hearing” обычно определяют, как формальное заседание для получения доказательств и свидетельских показаний (подобные процедуры часто используют для разрешения предварительных вопросов или принятия административных решений), а “trial” – как формальное судебное разбирательство, в рамках которого допрашивают свидетелей, представляют доказательства, определяют виновность обвиняемого (“hearing” is a legal proceeding for testimony and evidence, “trial” is court examination of evidence and legal arguments: distinct stages in legal processes). Второй

² Ship, *n.* – A seagoing vessel of considerable size; a sailing vessel with a bowsprit and three or more masts, all having square-rigged sails; the personnel or crew of a vessel; an airship or airplane.

Vessel, *n.* – Any craft designed to move through water carrying persons or goods, esp. one larger than an ordinary rowboat; ship; airship; boat; a hollow or concave article, as a cup or tub, esp. for holding liquid (см.: New Webster's Dictionary of the English Language. College Edition; Fifth Reprint. India: Surjeet Publications, 1989).

¹ Samos. “Ship” или “Vessel” какое значение правильно? // Социальная сеть «Одноклассники». URL: <https://clck.ru/3Utpvg> (дата обращения: 20.11.2025).

вариант переводческого решения связан с тем, что термины “hearing” и “trial” обозначают разные цели и задачи юридических процедур, хотя прямой привязки к гражданскому или уголовному процессу данные слова не имеют.

Более чёткая картина вырисовывается при сопоставлении компонентов выражения “cases and controversies” (= «судебные дела и правовые споры» / «уголовные и гражданские дела»). В англоязычных источниках находим следующее разграничение значений данных терминов: в юридическом дискурсе “case” включает в себя все типы исков, как уголовные, так и гражданские, а “controversy” – это исключительно гражданский процесс (“in jurisprudence, a controversy differs from a case; while the latter includes all suits, criminal as well as civil, a controversy is a purely civil proceeding”). Английский биномиал “the Crown and Government” разумно перевести на русский язык, как «правительство его/её Величества», а выражение “take-it-or-leave-it agreement” – как «договор присоединения» (стандартный договор, где одна сторона устанавливает условия, а другая должна их принять без возможности переговоров (страховые полисы, соглашения о займах, об аренде и т. п.): “take-it-or-leave-it” – «третьего не дано» / «не оставить выбора»). Уточним при этом, что в официальном переводе ГК РФ (в ред. Федерального закона от 08.03.2015 № 42-ФЗ) на английский язык в статье 428 «Договор присоединения» используются термины “the contract of affiliation” и “an adhesion contract”.

Культурологическая составляющая выходит на первый план и при переводе таких устойчивых двухкомпонентных конструкций, как “law and equity”, “legal and equitable remedies”, “equitable and common law remedies”, “legal or equitable relief”. Как известно, тремя основными источниками англо-саксонского права считаются: 1) общее право (*common law*), основанное на доктрине судебных прецедентов и установившееся на территории страны

в период с Нормандского завоевания в 1066 г. до 1250 г. в рамках функционирования королевских судов (*king’s courts or common law courts*; *king’s courts or courts of law*); 2) статутное право (*statutory law*), представляющее собой указы парламента и иные локальные нормативные акты, а также 3) конституционные соглашения, т. е. неписаные традиции по управлению страной. С XIV в. параллельно с общим правом на территории Англии и Уэльса в судах лорда-канцлера / канцлерских судах (*the Court of the Lord Chancellor / the Court of Chancery / court of equity*) стало формироваться прецедентное право, основанное на принципах морали и естественного права (*equity / право справедливости*) и получившее приоритет над общеправовыми принципами королевских судов после решения короля Якова I (James I) в 1615 г. по делу *The Earl of Oxford’s Case* (в рамках реформы судебной системы 1873–1875 гг. (Judicature Acts of 1873–1875) канцлерские суды вошли в общую структуру судов)¹. Принимая во внимание историческую составляющую рассматриваемых терминов, подходящим русскоязычным эквивалентом выражения “law and equity” будет «прецедентное право королевских судов и право справедливости канцлерских судов, основанное на принципах морали и естественного права» (а не предлагаемая в некоторых словарях версия «закон и право справедливости», непонятная для основной массы населения РФ). Устойчивые двухкомпонентные конструкции “legal and equitable remedies”, “equitable and common law remedies”, “legal or equitable relief” можно перевести как «возмещение ущерба (убытков) и иные средства судебной защиты» / «средства правовой защиты, предлагаемые на основе решений королевских судов и канцлерских судов» / «судебная защита по общему праву и по

¹ В данном контексте уточним, что основная масса населения РФ незнакома с источниками англо-саксонского права и никогда не слышала о праве справедливости и канцлерских судах.

праву справедливости» (а не «правовая и справедливая помощь»).

Уточним в данном контексте, что в числе факторов, существенных для достижения точности перевода юридических текстов, в лингвистической литературе часто также упоминают межвариантную вариативность; стиль речи, типичный для данного конкретного вида дискурса; особенности пунктуации, присущие конкретному типу дискурса.

Герменевтико-коммуникативная переводческая парадигма в качестве аналитического инструмента при работе с юридическими текстами

Герменевтико-коммуникативная переводческая парадигма представляет собой трёхступенчатую матрицу, предполагающую несколько стадий осуществления контекстного перевода:

– предварительный трансдисциплинарный анализ (лингвистический и экстралингвистический анализ для уточнения текстовых, затекстовых и подтекстовых смыслов оригинала, особенностей жанра, мировоззрения автора и т. п.);

– формулирование возможных переводческих решений;

– выбор переводческого решения (создание дискурсивно эквивалентного и адекватного в рамках культуры языка-реципиента переводного текста)¹.

Рассмотрим три стадии достижения корректного контекстного перевода в рамках вышеуказанной герменевтико-коммуникативной переводческой парадигмы на примере фразы с названием

законодательного акта “Indemnity Act”: “She was not aware of the existence of any such analogous provision, apart from the notorious Indemnity Act 1919 in India.” Семантическая конфигурация названия “Indemnity Act” отсылает нас на этапе предварительного трансдисциплинарного анализа к законодательным актам Индии, как одной из британских колоний в начале XX века. На стадии формулирования возможных переводческих решений мы уточняем, что существительное “indemnity” в сфере финансового права имеет значение «компенсации, возмещения» (убытков / ущерба) или «гарантии от убытков / потерь», а в уголовном праве – «освобождения» (от наказания, материальной ответственности), соответственно “Indemnity Act” / “Act of Indemnity” можно перевести как «закон об освобождении от уголовной ответственности» / «закон об амнистии» / «закон о возмещении ущерба» / «акт о возмещении убытков», например: “the Joint Drive Indemnity Act of 2003” (Бангладеш), как правило, переводят на русский язык, как «Закон 2003 года об освобождении от ответственности в связи с выполнением совместных служебных функций»², “the Double Indemnity Act 1996” (Филиппины), принято переводить на русский язык, как «Закон о двойной компенсации»³, “Indemnity Act 1982” (Республика Гамбия) приемлемо переводить на русский язык, как «Закон об освобождении от ответственности»⁴, “Indemnity

¹ Уточним в данном контексте, что описание соответствующих параметров и процедур переводческого процесса может быть разделено на большее количество шагов. При разработке некоторых методологий перевода стадию предварительного трансдисциплинарного анализа текстового фрагмента делят на несколько этапов (например, в рамках герменевтико-переводческого методологического стандарта Э. Н. Мишкурова, М. Г. Новиковой [17; 18] – на два этапа), что может быть целесообразно в некоторых случаях, в частности, при наличии непереводимых лексических единиц.

² “The Joint Drive Indemnity Act of 2003” предоставлял иммунитет от преследования сотрудникам вооруженных сил и иных военизированных организаций за аресты, причинение смерти, тяжких увечий и другие нарушения прав граждан во время проведения операции «Чистое сердце» (“Clean Heart”) в период с 16 октября 2002 г. по 9 января 2003 г. В 2015 г. данный акт был объявлен Высоким судом Бангладеш незаконным и неконституционным.

³ Данный закон вводил правило двойной компенсации работодателем работнику всех невыплаченных денег в случае нарушения закона о минимальной заработной плате.

⁴ Данный закон обеспечил юридический иммунитет для сотрудников правоохранительных органов и

Act 1727” (Великобритания) – как «Закон о возмещении ущерба 1727 года»¹ и т. п.² Упомянутый в рассматриваемом фрагменте “Indemnity Act 1919” обеспечил освобождение от ответственности для британских офицеров и чиновников, участвовавших в массовом расстреле в Амритсаре 13 апреля 1919 г., соответственно на этапе выбора переводческого решения мы видим, что в данном контексте приемлемым вариантом будет версия «Закон об амнистии»: «Ей не было известно ни о каком аналогичном положении, за исключением печально известного “Закона об амнистии” 1919 года в Индии».

Рассмотрим вышеуказанные этапы герменевтико-коммуникативной переводческой парадигмы на примере фразы с названием другого законодательного акта “Act of Settlement”: “The Act of Settlement 1781 was a significant piece of legislation passed by the British Parliament to resolve conflicts and ambiguities as regards the jurisdiction of the Supreme Court established in Calcutta under the Regulating

государственных служащих за действия во время беспорядков, незаконных собраний и чрезвычайных ситуаций.

¹ Данный акт парламента Великобритании регламентировал возможность возмещения ущерба лицам, не прошедшим квалификационный отбор для занятия должностей в течение установленного законом срока, при этом этим лицам предоставлялся дополнительный срок для этой цели. Данный закон также освободил нонконформистов от требований Закона о присяге 1673 г. (The Test Act 1673) и Закона о корпорациях 1661 г. (The Corporation Act 1661), согласно которым государственные служащие должны были принять причастие Вечери Господней в англиканской церкви. “Indemnity Act 1727” был отменён 15.07.1867 г.

² В данном контексте хотелось бы обратить внимание на тот факт, что интернет-переводчики нередко переводят на русский язык все законы под названием “Indemnity Act” / “Act of Indemnity” как «Закон о возмещении ущерба», независимо от лексико-семантической конфигурации данной языковой единицы. Такие переводческие решения можно считать контекстной терминологической ошибкой интернет-переводчиков, связанной с неспособностью машинных переводчиков даже самых продвинутых систем (на данном этапе их развития) справляться с контекстным переводом без ошибок, что неоднократно обсуждалось в лингвистической литературе.

Act of 1773, and to establish a more effective and reliable system of courts to address grievances against the Supreme Court”. Семантическая конфигурация названия “Act of Settlement” отсылает нас на этапе предварительного трансдисциплинарного анализа к статутам англо-саксонской системы права. На стадии формулирования возможных переводческих решений мы уточняем, что “Act of Settlement” (букв. «Акт об устройении / урегулировании»), принятый парламентом Британии в 1701 г. и окончательно установивший верховенство власти Палаты Общин, известен в России как «Акт о престолонаследии» («Закон о дальнейшем ограничении власти монарха и наилучшей охране прав и свобод подданных»). При этом законодательный акт Британии с таким же названием, принятый в 1662 г. и ограничивший свободу передвижения работников, переводят на русский язык как «Акт об осёдлости». А “Act of Settlement” (известный также как “Declaratory Act 1781” или “Amending Act 1781”), принятый британским парламентом в 1781 г. для устранения пробелов “Regulating Act 1773” («Закон о регулировании / об управлении» британской Индией, перестроивший систему управления в колониальной Индии и принятый с целью борьбы с растущей коррупцией в Ост-Индской компании), обычно упоминают в русскоязычной литературе под названием «Акт / Закон о внесении поправок». На этапе выбора переводческого решения мы понимаем, что в данном контексте название рассматриваемого статута нужно перевести как «Акт / Закон о внесении поправок»: «“Закон о внесении поправок” 1781 года был важным законодательным актом, принятым британским парламентом для разрешения противоречий и устранения двусмысленности в отношении юрисдикции Верховного суда, учреждённого в Калькутте в соответствии с “Законом об управлении” 1773 года, и для создания более эффективной и надёжной судебной системы

для рассмотрения жалоб на решения Верховного суда»¹.

Рассмотрим вышеуказанные стадии герменевтико-коммуникативной переводческой парадигмы при переводе фразы со словосочетанием "civil law": "In its second main feature, English land law differs from civil law systems in the European Union, because it allows the separation of the "beneficial" ownership of property from legal title to property"². На этапе предварительного трансдисциплинарного анализа значение выражения "civil law" выглядит как один из возможных вариантов перевода в рамках массово-информационного, юридического и научного дискурсов: при противопоставлении с уголовным правом переводческим эквивалентом термина "civil law" будет словосочетание «гражданское право», а при противопоставлении с прецедентным правом англо-саксонского мира – выражение «система европейского континентального права / романо-германского права»³.

¹ Следует обратить внимание на тот факт, что интернет-переводчики нередко переводят на русский язык все законы под названием "Act of Settlement", как «Акт о престолонаследии» или «Акт о поселении», независимо от лексико-семантической конфигурации данной языковой единицы. Такие переводческие решения можно считать контекстной терминологической ошибкой интернет-переводчиков, связанной с неспособностью машинных переводчиков даже самых продвинутых систем (на данном этапе их развития) справляться с контекстным переводом без ошибок, что неоднократно обсуждалось в лингвистической литературе.

² Рассматриваемая фраза является первой в текстовом фрагменте: "If there is a "trust" of land, then trustees hold legal title, while the benefit, use and "equitable" title might belong to many other people. Legal title to real property can only be acquired in a limited number of formal ways, while equitable title can be recognized because of a person's contribution, or the parties' true intentions, or some other reason, if the law deems that it is fair and just (i.e. equitable) to recognize that someone else has a stake in the land" (см.: Юридический английский: учеб. пособие / А. А. Лебедева, Г. Н. Аксенова, Е. В. Бараник [и др.]; под ред. А. А. Лебедевой; 2-е изд., расш. и доп. М.: Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 2021. С. 111).

³ Опыт работы с машинным переводом показывает, что выражение "civil law" в любом контекстном

На этапе формулирования возможных переводческих решений приходим к выводу, что в данном текстовом фрагменте прослеживается противопоставление понятийных концептов англо-саксонского общего права и европейского континентального права. Соответственно на этапе выбора переводческого решения видим, что термин "civil law" нужно передать на русском языке в рассматриваемой фразе следующим образом: «Вторая ключевая особенность английского земельного права, которая отличает его от системы европейского континентального права в Европейском союзе, – это возможность разграничения "бенефициарного" владения собственностью от юридического титула на неё»⁴.

Заключение

Эволюционный переход последних десятилетий от лингвоцентристских переводческих теорий к когнитивно-герменевтическим, культурологически ориентированным подходам к адаптации исходного текста на языке-реципиенте, чётко прослеживается при анализе раз-

окружении часто переводится интернет-переводчиками, как «гражданское право», хотя при сопоставлении с англо-саксонским прецедентным правом корректным вариантом перевода всегда будет версия «романо-германское / европейское континентальное право» (см. о системе понятийных концептов термина "civil law" в: Black's Law Dictionary / ed. B. A. Garner. USA: WEST Thomson Reuters, 2009. 1920 p.). Такие переводческие решения можно считать контекстной терминологической ошибкой интернет-переводчиков, связанной с неспособностью машинных переводчиков даже самых продвинутых систем (на данном этапе их развития) справляться с контекстным переводом без ошибок, что неоднократно обсуждалось в лингвистической литературе.

⁴ Вероятно, было бы целесообразно дать переводческий комментарий о том, что в английском земельном праве существует разделение двух аспектов владения землёй: юридический титул – формальное право собственности, которое может принадлежать одному лицу (в частности, в рамках траста – trustees) и бенефициарное владение – реальное право на доход от собственности и на часть выручки от продажи имущества, право на использование недвижимости (при этом юридический собственник не обязательно является бенефициарным).

личных моделей перевода и теоретических положений переводоведения и свидетельствует о понимании лингвистами необходимости разработки таких методологических стандартов, которые дали бы возможность наиболее точно очертить границы трактовки исходного текста для создания адекватного варианта перевода.

Герменевтико-коммуникативная переводческая парадигма в рамках дискурсивно-коммуникативного подхода может рассматриваться в качестве аналитического инструмента и методологического стандарта при работе с текстами юридического, научного и медиадискурсов, поскольку может быть оптимальным решением для снятия проблемы множественного толкования иноязычных терминов реципиентами, а также позволяет избежать контекстных терминологических ошибок, в том числе в условиях неспособности интернет-переводчиков даже самых продвинутых систем (на совре-

менном этапе их развития) справляться с контекстным переводом без неточностей. Особую значимость, на наш взгляд, предварительный трансдисциплинарный лингвистический и экстралингвистический анализ приобретает в случаях вариативности значений одного и того же термина в рамках одного дискурса.

Как видно из приведённых примеров конкретных языковых трансформаций и деформаций, особенностей применения различных переводческих стратегий и тактик, изучение иностранного языка страны с иной правовой системой должно сопровождаться приобретением знаний об особенностях концептуальной сферы другого правового порядка. Хотя многие юридические термины приобрели универсальный смысл, не связанный с национальной спецификой, когнитивно-системный подход к переводу текстов юридического дискурса должен стать основополагающим на занятиях по иностранному языку в юридических вузах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ярыгина Н. Ю. Мультиmodalность современного экономического дискурса (на примере международных экономических форумов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2024. 22 с.
2. Ефремова Е. В. Метафорирование как речевая деятельность в организационном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2025. 26 с.
3. Чжан Лудань. Психолингвистические маркеры агрессии в новостных дискурсах России и Китая: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2025. 27 с.
4. Карасева А. А. Концепт «Брюссель» в международном общественно-политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2025. 27 с.
5. Хухуни И. Г. Формирование новой научно-технической терминосистемы (на материале беспилотных летательных аппаратов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Мытищи, 2022. 24 с.
6. Максимова Н. В. Современная электроэнергетическая терминология: структурный и семантический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Мытищи, 2020. 25 с.
7. Ущенко О. И. Особенности формирования терминологических подсистем (на материале терминологии кардиохирургии в английском и русском языках): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Мытищи, 2021. 24 с.
8. Атабекова А. А. Иноязычные специальные концепты в межкультурной профессионально-ориентированной коммуникации. М.: Изд-во РУДН, 2008. 198 с.
9. Лебедева А. А. Основные принципы профессионально ориентированного обучения иностранному языку студентов юридических специальностей: формирование профессиональной лингвокультурологической модели юриста; 3-е изд., расш. и доп. М.: Издательство + дизайн-бюро «ред.», 2023. 317 с.
10. Лебедева А. А., Новикова М. Г. Герменевтико-коммуникативная переводческая парадигма: реализация социокультурологической и прагматической адаптации текстов при переводе // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 2. С. 24–36. DOI: 10.18384/2949-5075-2025-2-24-36.
11. Озюменко В. И., Чилингарян К. П. Полисемантическая английской юридической лексики как

проблема перевода // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2015. № 2. С. 180–193.

12. Cao D. *Translating Law*. Clevedon; Buffalo; Toronto: Multilingual Matters Ltd, 2007. 240 p. (Series: Topics in Translation. Vol. 33).
13. Šarčević S. *New Approach to Legal Translation*. The Hague: Klower Law International, 2000. 308 p.
14. Волкова Т. А. Дискурсивно-коммуникативная модель как система детерминант стратегии перевода: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Мытищи, 2022. 35 с.
15. Марчук Ю. Н. Модели перевода. М.: Академия, 2010. 175 с.
16. Марчук Ю. Н. Перевод и преподавание языка // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2011. № 6. С. 70–73.
17. Мишкурлов Э. Н., Новикова М. Г. Теория и методология перевода в когнитивно-герменевтическом освещении. М.: Флинта, 2020. 300 с.
18. Мишкурлов Э. Н., Новикова М. Г. Переводимость – непереводаемость: былое и думы... = Translatability – untranslatability: yesteryears and thoughts...: монография. М.: Флинта, 2024. 248 с.
19. Нелюбин Л. Л., Хухуни Г. Т. Наука о переводе. М.: Флинта, 2006. 413 с.
20. Chesterman A. *Memes of Translation. The spread of ideas in translation theory*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1997. 227 p.

REFERENCES

1. Yarygina, N. Yu. (2024). *Multimodality of Modern Economic Discourse (Based on International Economic Forums)* [dissertation]. Moscow (in Russ.).
2. Efremova, E. V. (2025). *Metaphoring as a Speech Activity in Organizational Discourse* [dissertation]. Moscow (in Russ.).
3. Zhang, Ludan (2025). *Psycholinguistic markers of aggression in the news discourses of Russia and China* [dissertation]. Moscow (in Russ.).
4. Karaseva, A. A. (2025). *The Concept of "Brussels" in International Socio-Political Discourse* [dissertation]. Moscow (in Russ.).
5. Khukhuni, I. G. (2022). *Formation of a New Scientific and Technical Terminology System (Based on Unmanned Aerial Vehicles)* [dissertation]. Mytishchi (in Russ.).
6. Maksimova, N. V. (2020). *Modern Electric Power Terminology: Structural and Semantic Aspects* [dissertation]. Mytishchi (in Russ.).
7. Ushchenko, O. I. (2021). *Features of the Formation of Terminological Subsystems (based on the terminology of cardiac surgery in English and Russian)* [dissertation]. Mytishchi (in Russ.).
8. Atabekova, A. A. (2008). *Foreign-Language Special Concepts in Intercultural Professionally-Oriented Communication*. Moscow: RUDN University publ. (in Russ.).
9. Lebedeva, A. A. (2023). *Basic principles of professionally oriented teaching of a foreign language to students of legal specialties: formation of a professional linguacultural model of a lawyer*. Moscow: Publishing house + Design Bureau "Red." (in Russ.).
10. Lebedeva, A. A. & Novikova, M. G. (2025). Hermeneutic-communication translation paradigm: sociocultural and pragmatic adaptation in translation. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2, 24–36. DOI: 10.18384/2949-5075-2025-2-24-36 (in Russ.).
11. Ozyumenko, V. I. & Chilingaryan, K. P. (2015). Polysemy of English legal lexis and the problems of translation. In: *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series Linguistics*, 2, 180–193 (in Russ.).
12. Cao, D. (2007). *Translating Law*. Clevedon; Buffalo; Toronto: Multilingual Matters Ltd. (Series: Topics in Translation. Vol. 33).
13. Šarčević, S. (2000). *New Approach to Legal Translation*. The Hague: Klower Law International.
14. Volkova, T. A. (2022). *Discourse-communicative model as a system of determinants of translation strategy* [dissertation]. Mytishchi (in Russ.).
15. Marchuk, Yu. N. (2010). *Translation models*. Moscow: Academy publ. (in Russ.).
16. Marchuk, Yu. N. (2011). Translation and language teaching. In: *Bulletin of Moscow State Region University*, 6, 70–73 (in Russ.).
17. Mishkurov, E. N. & Novikova, M. G. (2020). *Theory and methodology of translation in cognitive-hermeneutic coverage*. Moscow: Flinta publ. (in Russ.).

18. Mishkurov, E. N. & Novikova, M. G. (2024). *Translatability – untranslatability: yesteryears and thoughts*. Moscow: Flinta publ. (in Russ.).
19. Nelyubin, L. L. & Khukhuni, G. T. (2006). *The science of translation*. Moscow: Flinta publ. (in Russ.).
20. Chesterman, A. (1997). *Memes of Translation. The spread of ideas in translation theory*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лебедева Анна Александровна (г. Москва) – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингвистики и культуры речи Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России);

<https://orcid.org/0009-0005-4461-6514>; e-mail: lebsuch@yandex.ru

Новикова Марина Геннадьевна (г. Москва) – доктор филологических наук, доцент, доцент 36 кафедры (германских языков) Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации;

<https://orcid.org/0000-0002-1221-8635>; e-mail: Novikova_mg@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anna A. Lebedeva (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Departmental Head, Department of Linguistics and Speech Culture, All-Russian State University of Justice;

<https://orcid.org/0009-0005-4461-6514>; e-mail: lebsuch@yandex.ru

Marina G. Novikova (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., 36th Department (Department of Germanic languages), Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;

<https://orcid.org/0000-0002-1221-8635>; e-mail: Novikova_mg@mail.ru